

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.17223/1998863X/88/13

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ОБЗОР ТЕОРИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ БЛАГОПОЛУЧИЯ

Алексей Андреевич Барышев¹, Евгений Викторович Щекотин²,
Галина Анзельмовна Барышева³

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, barishevnp@mail.ru*

² *Сибирский государственный университет водного транспорта,
Новосибирск, Россия, evgvik1978@mail.ru*

³ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия, ganb@tpu.ru*

Аннотация. Представлены возможности теории социологических парадигм Баррелла и Моргана для анализа и картирования теорий и исследований благополучия. Показано, что исследовательское пространство демонстрирует парадигмальную структуру, формируемую принадлежностью получаемого знания о благополучии функционалистской, радикально-структуралистической, интерпретативной и радикально-гуманистической парадигмам. Выявлена специфика концептуализации благополучия в каждой парадигме.

Ключевые слова: социологические парадигмы, форма жизни, жизнетворчество, субъективное благополучие, инструмент доминирования, говернментализация жизни, био-политика, оздоровительность, медленная экономика, коммонализм, глубинная экология, практики благополучия, дискурсы благополучия.

Благодарности: исследование проведено в рамках НИР ТГУ № 1.1.24 «Разработка алгоритмов извлечения мнений, настроений и концептов на основе сбора и анализа больших данных социальных сетей и научных публикаций».

Для цитирования: Барышев А.А., Щекотин Е.В., Барышева Г.А. Парадигмальный обзор теорий и исследований благополучия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 132–153. doi: 10.17223/1998863X/88/13

Original article

A PARADIGMATIC REVIEW OF THEORIES AND STUDIES OF WELL-BEING

Aleksey A. Baryshev¹, Evgeny V. Shechekotin², Galina A. Barysheva³

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, barishevnp@mail.ru*

² *Siberian State University of Water Transport, Novosibirsk, Russian Federation,
evgvik1978@mail.ru*

³ *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, ganb@tpu.ru*

Abstract. The article presents the potential of Burrell and Morgan's theory of sociological paradigms for analyzing and mapping well-being theories and research. It is shown that the research space exhibits a paradigmatic structure shaped by the functionalist, radical structuralist, interpretive, and radical humanistic paradigms of the acquired knowledge about

well-being. The specificity of the conceptualization of well-being in each paradigm is identified. The results of the analysis are applicable to the development of methods and programs for interdisciplinary and multi-paradigm well-being research based on the study of the conversion of conceptual meanings and corresponding well-being practices during the transition from one paradigm to another.

Keywords: sociological paradigms, form of life, life-creation, subjective well-being, instrument of domination, governmentality of life, biopolitics, healthification, slow economy, commonalism, deep ecology, well-being practices, well-being discourses

Acknowledgments: This study was conducted as part of TSU R&D No. 1.1.24 “Development of algorithms for extracting opinions, sentiments, and concepts based on the collection and analysis of large social networks and scientific publications”.

For citation: Baryshev, A.A., Shchekotin, E.V. & Barysheva, G.A. (2025) A paradigmatic review of theories and studies of well-being. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 134–153. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/13

Введение

Концепт «благополучие» является одной из фундаментальных философских и общенаучных категорий, исследование которой насчитывает не одну тысячу лет. За этот длительный период сложилось огромное количество различных концепций благополучия, апеллирующих к этическим, религиозным или научным основаниям благополучия. В этой связи весьма актуальной является задача систематизации и упорядочивания всего многообразия нарративов о благополучии, создания аналитического инструментария, который позволит понять эволюцию этого концепта и выделить тенденции его трансформации. Решение данной задачи позволит полнее раскрыть содержание концепта «благополучие», который несмотря на свою безусловную востребованность в научном и публичном дискурсе, остается крайне неопределенным понятием.

Для решения этой задачи как нельзя лучше подходит парадигмальный анализ, который позволяет выделить комплекс фундаментальных представлений о реальности, лежащих в основании конкретных теорий. Понятие парадигмы, введенное в свое время Т. Куном для объяснения исторической динамики научного знания, характеризует смену допущений, которые разделяются научным сообществом в отношении природы реальности, и правил их применения [1]. Куновское истолкование парадигмы подчеркивает диахронические закономерности развития научного знания, так как концепция Т. Куна опирается на историю физики. Однако в социальных науках не менее важны и синхронические закономерности бытования научного знания, так как в этих науках возникновение новой парадигмы не ведет к замене уже существующей. В социальных науках парадигмы продолжают сосуществовать, определенным образом организуя исследовательское поле, формируя «силовые линии», вдоль которых выстраиваются конкретные теоретические конструкции.

Плодотворным примером использования парадигмального анализа для систематизации пространства нарративов является подход, предложенный Г. Морганом и Г. Барреллом для исследования проблемно-тематического поля теории организаций [2]. Помимо теории организации парадигмальный

анализ использовался для анализа теорий образования [3], предпринимательства [4] и т.д.

В подходе Г. Моргана и Г. Баррелла парадигмы формируются парными комбинациями, образуемыми двумя группами альтернативных допущений. Первая группа относится к природе научного знания и представляет собой выбор между объективным и субъективным знанием. Вторая группа относится к представлениям о способах изменения общества и разворачивается между регулирующей и радикальными преобразованиями. На основе названных оппозиций авторы строят четыре парадигмы восприятия реальности: функционалистская, интерпретативная, радикально-гуманистическая и радикально-структуралистическая [5]. Рассмотрим их по отдельности применительно к такому концепту, как благополучие.

Функционалистская парадигма благополучия

Функционалистская парадигма рассматривает свои концепты как выражения объективного характера социальных объектов. В силу этого они рассматриваются как надежные данности, существование которых обусловлено внутренними материальными причинами. В качестве этих причин выступают функциональные связи, системная природа которых делает возможным их познание и регулирование (постепенное изменение). Базовой метафорой функционалистской парадигмы является машина, хотя данная парадигма предполагает и другие метафоры, в свете которых развиваются представления об объективности изучаемых социальных феноменов и возможностях их изменений, ограниченных инерционными эффектами. В качестве таких метафор, как показывает Г. Морган, фигурирует организм, политическая система, популяция, кибернетическая система, политическая система и даже театр и культура [5].

При всем этом многообразии метафора машины наиболее ярко характеризует специфику функционалистского подхода, игнорирующего саму проблему существования, связанную с сомнением в объективной данности объекта. Поэтому вопрос о том, что благополучие может быть тоже всего лишь аналитическим конструктом для исследования чего-то, обладающего более надежным онтологическим статусом, в функционалистской парадигме благополучия не возникает.

При функционалистском взгляде на благополучие в рамках представления об экономике как машине или системе оно выступает объективной характеристикой состояния элементов системы, возможностей их функционирования в ее составе подобно тому, как оценка технического состояния характеризует детали любой машины с точки зрения их исправности или неисправности, пригодности или непригодности для эксплуатации. Прогресс в этом направлении по сравнению с ситуацией доминирования категории благосостояния в качестве интегральной характеристики экономической системы состоит в учете большего числа факторов, влияющих на функционирование человека как главной производительной силы и субъекта общественного развития, а именно политических и экзистенциальных (состояние социальной инфраструктуры, криминогенная обстановка) и пр., что появляется в изменении метафоры, производящей более широкие видения объекта исследования.

Человеческий аспект всех этих более широких видений в функционалистской парадигме основывается на объективации потребностей, список которых теперь выходит за рамки так называемых материальных, удовлетворяемых посредством традиционной экономической деятельности, за счет включения в него требований к состоянию жилищно-коммунального хозяйства, благоустройства жилых территорий, окружающей природной среды и институтов (политического участия, правопорядка, социального обеспечения). Наличие у рассматриваемой характеристики субъективной трактовки («субъективное благополучие») не отменяет ее объективистского характера по причине, во-первых, приложения ее к объективным элементам системы, и во-вторых, выражения удовлетворенности/неудовлетворенности ими в рамках представления об общественном производстве (в широком смысле) как органической системе («организме»), члены которой различаются по уровню удовлетворенности поставляемыми индивидуальными и общественными благами. Эффект субъективного благополучия в рамках функционалистского подхода показывает социально-экономическую систему как самодиагностируемую органическую и, далее, кибернетическую, или систему с обратной связью. Так, Д.А. Леонтьев рассматривает субъективное благополучие как «обобщенный сигнал обратной связи, соотносящийся с жизнью в целом» [6]. О принадлежности многих концепций субъективного благополучия функционалистской парадигме свидетельствует то, что оно вполне сочетается с показателями объективного благополучия при построении многих интегральных индексов благополучия.

Следующей особенностью функционалистского видения благополучия, согласно Моргану–Барреллу, является то, что его трансформация представляет собой процесс последовательных изменений, в котором каждое новое опирается на результат предыдущего. Задача, таким образом, сводится к определению уровня существующего состояния удовлетворения потребностей и разработке рекомендаций по его улучшению в рамках нового этапа – «роста благополучия». Инструментами этого «роста» в условиях максимальной инерционности основ социально-экономической системы (собственность, политический строй) оказываются улучшающие изменения, связанные, прежде всего, со сферой распределения и потребления [7].

Однако это хотя и улучшающие изменения, не затрагивающие отношений власти и собственности, они все-таки более существенны, чем те, которые выражались в динамике благосостояния и уровня жизни. И здесь базовая метафора машины опять оказывается очень кстати: для характеристики любой детали машины важны не только оценки ее функционала и потребляемой энергии, но и информация о режиме технического обслуживания и диапазоне функционирования, фиксирующем фактические отклонения от нормативных параметров условий эксплуатации.

С учетом того что благополучие в функционалистской парадигме может рассматриваться гораздо более «продвинуто», чем это позволяет метафора машины, возникает вопрос о доступном в ее рамках понимании историзма рассматриваемого концепта или стоящего за ним феномена, например, путем выделения типов благополучия в соответствии с особенностями технологических укладов [8]. Кроме того, поскольку само функционалистское понятие благополучия предполагает сочетание в нем общесоциального и специфиче-

ского содержания, становится возможным, с одной стороны, исследовать особые формы благополучия людей в различных исторических и географических условиях и, с другой стороны, проводить пространственно-временные сравнения благополучия людей.

Такое функционирование концепта благополучия, представляющее собой экстраполяцию современных характеристик некоторых развитых обществ на всю человеческую историю и географию, не является проблемой в функционалистской парадигме: ведь для сопоставлений необходима общая основа, тем более, что, имея перед собой непрерывный процесс эволюции, она совершенно обоснованно воспринимает ранние и боковые (тупиковые) формы в качестве недоразвитых или локально модифицированных проявлений ныне существующей наиболее развитой формы. Представленный здесь «эволюционно-экологический» аргумент формирования рейтингов и индексов благополучия, поставляемых учеными, работающими в данной парадигме науки о благополучии, оказывается тем более актуальным, что функционалистская популяционно-экологическая метафорика становится в настоящее время одной из наиболее популярных в исследованиях большинства социальных и организационных феноменов.

Важно отметить, что в функционалистской парадигме верховная субъектность относится ко всей «машине», что автоматически адресует результаты исследований благополучия тому абстрактному «машинисту», который представляет систему в целом. Такая модальность является причиной того, что собственность на функционалистский дискурс по умолчанию достаются тому, кого в институциональной экономике называют «правителем» [9], и поэтому направляет исследования в сторону обоснования успешности его правления путем последовательных шагов по адаптации экономической системы к вызовам времени, наглядно проявляющейся в росте благополучия. Делая это имплицитным образом, исследования данной парадигмальной принадлежности никак не проблематизируют власть, рассматривая ее в качестве естественного, качественно однородного фактора регулирования социально-экономической жизни.

Радикально-структуралистическая парадигма

В этой парадигме, сочетающей объективистский взгляд на общество с фокусировкой на властных феноменах, делающих возможными его радикальные трансформации, проблематизация власти выступает основным драйвером научного поиска, что делает любой исследуемый социально-экономический феномен зависимым и производным от тех структур, которым он выгоден в качестве «инструмента доминирования». В свете радикально-структуралистической парадигмы благополучие выступает объективным феноменом, но лишенным той логики постепенности своего изменения, которая обозначается в качестве направляющей для функционалистов: поскольку здесь в соответствии с базовой метафорой, в качестве которой проявляется понятие конфликта, вся социальная жизнь выступает производством различий, постольку любой более циничный и удачливый актер в силу полученной близости к доминирующей группе может радикально увеличить различие между собой и бывшим своим окружением.

Однако при исследовании благополучия в радикально-структуралистической парадигме основная фокусировка делается на саму эту доминирующую группу, для которой повышение благополучия масс выступает в качестве инструмента доминирования над ними или средством внутриэлитной конкуренции. Поскольку в отличие от благосостояния понятие благополучия относится не столько к условиям жизни, сколько к самой жизни человека от рождения до смерти, манипулирование содержанием жизни как отдельных людей, так и народов становится наиболее концентрированным выражением того, что М. Фуко обозначил термином «биополитика» [10], который выражает такой тип доминирования, когда его объектом становится все пространство жизни людей. В этом же ключе работают авторы концепции биопроизводства М. Хардт и А. Негри.

Если понятие биополитики выражает саму направленность современной власти, то фуколдианский гибридный термин говернментальности (правительственности), соединяющий «правление» и «ментальность», фокусируется на спецификации методов ненасильственного доминирования над жизнью под видом заботы о благополучии управляемого населения [11, 12]. Такими методами превращения доминирования в заботу выступают нормализация, медиализация, коммерциализация и секьюритизация жизни и другие инструменты, благодаря которым структуры доминирования (ансамбли, комплексы, диспозитивы) реализуют свои возможности. Литература, тяготеющая к радикально-структуралистической парадигме, связывает все эти способы говернментализации с «неолиберальной формой жизни» [13], в которой идеология «веллбеингизма» становится разновидностью религии.

Нормализация становится основой новой управляемости [14], которая в фуколдианском понимании распространяется на все социальные процессы [15], включая повседневную жизнь, особенно в чрезвычайных обстоятельствах, подобных недавней пандемии COVID-19 [16]. Это достигается благодаря квантификации всех процессов индивидуальной и общественной жизни, обеспечивающей формирование ее общих показателей, средних и относительных значений (норм) и т.д., в которых различные аспекты социально-экономического состояния населения становятся предметом оптимизации.

Медиализация означает превращение большинства социальных вопросов в медицинские, что позволяет значительно упростить их диагностирование и «решение». Объектами медиализации становится любовь [17], удовольствие [18], сексуальность [19], вся сфера психоэмоциональных состояний [20], старение [21] и вообще вся повседневная, или обычная, жизнь человека [22, 23]. В результате проблема благополучия становится проблемой тотальной «оздоровительности» (healthification), выступающей питательной почвой для медицинских корпораций, «биг фармы» и филантрокапитализма [24, 25].

Сведенная таким образом до набора количественных показателей жизнь становится объектом политик коммерциализации (коммодификации, маркетизации, финансиализации), с позиций которых благополучие выступает в качестве модного товара, обязательного для приобретения [26–29]. Вершиной коммерциализации является «коммодификация» человека [30], превращение его в хорошо предсказуемое фуколдианское предприятие по производству человеком самого себя [31].

Секьюритизация жизни является в настоящее время всеохватывающим способом доминирования. Если в прежние времена подчинение людей правителям основывалось на обмене свободы на гарантии безопасности от набегов внешних врагов, то государственность современного общества осуществляется путем резкого расширения числа «защит», «секьюритизаций» человека от многочисленных угроз, направленных на все стороны его жизни. Учитывая возникающее значительное различие между благополучием «защищающих» и «защищаемых», а также многочисленные упоминания о злоупотреблениях в этой сфере, легко понять, какое отношение секьюритизация имеет к радикально-структуралистической парадигме. Арсенал инструментов «секьюритизации жизни» как формы государственности [32] разрастается, начиная от привычных форм «полицирования» (policing) городского пространства [33] и контроля качества продуктов питания, медицинских препаратов и ущербов среде проживания со стороны связанных с ней предприятий и заканчивая борьбой с изменением климата [34].

Исследования секьюритизации в радикально-структуралистском ключе следует парадигмально отличать от исследований безопасности как социально-нейтрального элемента функционирования социально-экономической системы в целом, масштабам и формам которого дается морально-этическое [35, 36], экономическое [37, 38], а также социологическое и политико-правовое обоснование.

Механизм секьюритизации жизни в контексте биополитики и государственности действует таким образом, что структуры, реализующие миссию обеспечения безопасности, как преднамеренно конструируют угрозы (пока угроза не социализирована, она как социальный факт не существует), так и непреднамеренно их производят. Повышая безопасность отдельных инфраструктурных систем (транспортной, банковской), они способствуют появлению на их основе новых опасностей. Так, развитие безопасности авиасообщения актуализирует новые опасности, связанные с созданием более обширных сетей распространения инфекций, а повышение надежности инструментов перевода денежных средств порождает опасность их использования в целях финансирования терроризма. Поэтому, резюмирует Д. Биго – один из основателей Парижской школы исследований безопасности, (ин)секьюритизация – это способность управлять небезопасностью и конструировать её [39].

Радикально-гуманистическая парадигма

В целом, гуманистическое видение благополучия исходит из «истинных» человеческих ценностей – ценностей, соответствующих человеческой природе. В большинстве исследований благополучия это положение присутствует в неявном виде на основе непроблематизированного представления о «естественных потребностях» человека. На основе данного представления создается множество конструкторов благополучия, применяемых для улучшения жизни людей (женщин, подростков, работников разных отраслей промышленности, представителей старшего поколения и т.д.). Однако на пути к универсализации этих конструкторов возникает проблема самой способности науки рационализировать потребности людей разных возрастных, профессиональных, конфессиональных и прочих категорий, действующих в различных со-

циокультурных и исторических условиях. В большинстве прикладных и теоретических исследований эта проблема игнорируется, и благополучие получает свое концептуальное выражение в свете общечеловеческих ценностей, соответствующих гуманистическим идеалам.

Основой радикально-гуманистического видения благополучия является критика благополучия, соглашающегося с условиями всеобщего отчуждения, порождаемыми системой капиталистического производства. Свойственный рыночному хозяйству товарный фетишизм выходит за пределы сферы потребления материальных благ и распространяется на то, что обычно связывают с личностным ростом и духовной сферой [40].

Базовая метафора радикально-гуманистической парадигмы в виде товарного фетишизма перерастает в метафору фетишизма спектакля [41], проливающую свет на готовность людей жить в рамках иллюзий, производимых СМИ и политической пропагандой, и выставлять напоказ сформированные в соответствии с этими иллюзиями формы (образы, стили) своей жизни, и кибер-фетишизма, [42], в свете которой индексы и рейтинги (качества жизни, счастья, образования, безопасности и т.д.) приобретают роль навигатора в управлении изменениями всех сторон и жизни и важнейшего инструмента оценки его эффективности.

Ответом на нормализованные функционалистским и структуралистским мышлением представления о целостности социально-экономической системы с ее обращенностью к удовлетворению потребностей массового человека или, наоборот, о естественности доминирования элит, использующих публичную власть в своих интересах, становится концептуализация благополучия как сопротивления. Данный концепт обеспечивает освободительную оптику при исследовании неолиберальной политики благополучия, связываемой с мягким «говернментальным» угнетением, проектами «зеленой экономики» и идеологией устойчивого развития.

За этими политиками, проектами и идеологиями теоретики левого толка видят господствующие интересы Мирового банка [43] и операторов разных версий природного капитала («биокапитала» [44, 45], «зеленого» [46], «экологического» [47]), выступающих в качестве новых форм доминирования и угнетения. «Зеленый грабёж» [48] в форме перераспределения доступа к экологическим ресурсам в пользу новых форм капиталистического предпринимательства и «инфраструктурализация окружающей среды» [49] для сохранения статс-кво в перспективе далекого будущего, выгодного «материально пресыщенному меньшинству населения мира в виде западного среднего класса» [50], провоцирует множество радикальных ответов со стороны бедных местных сообществ, аборигенных малых этнических групп в развитых странах и странах третьего мира как в целом, так и в лице отдельных культурных и экономических общностей. В этих ответах формируются идеалы благополучия как освобождения на основе специфических представлений о коллективизме, справедливости и гармонии с природой.

Ярким примером национально-окрашенного образа благополучия выступает *buen vivir* – эквадорская концепция «хорошей жизни» [51], которая изначально представляла собой идеологию местных освободительных движений, сформировавшуюся на основе мировоззрения коренного населения горной части страны. Концепция *buen vivir* видит благополучие человека и

общества в коммунитарном образе жизни на основе кооперативных форм ведения органического сельского хозяйства, вовлеченности граждан в функционирование административных органов, реципрокности в отношениях на местном уровне и патернализме на уровне государства, проводящего политику «медленной экономики» (slow economy) [52].

При помещении в более широкий социальный контекст общинное понятие о *buen vivir*, так же как, например, южноафриканское мировоззрение *ubuntu* (в переводе с зулусского – «человечность») становятся питательной почвой для радикальной экологической демократии, отрицания экономического роста (*degrowth*), идеализации солидарной и социальной экономики и выдвижения на первый план личностных отношений во всех сферах частной и общественной жизни [53]. Все это выступает характерными чертами «эко-социализма» [50, 54, 55] как определенной идеологии и политической практики.

Если для развивающихся стран радикальная реакция на наступление западной цивилизации состоит в укреплении традиционных форм как наиболее соответствующих представлениям о «хорошей жизни» их народов, то в развитых странах в качестве радикальных ответов на неолиберальную рационализацию жизни людей и их отношений с природой в условиях увеличивающегося темпа функционирования всех сфер общества наряду с общественными движениями за охрану окружающей среды широкое распространение получает индивидуальный выбор «слоулайферов», «дауншифтеров» и других сторонников минимализма и симплицизма [56–62], исповедующих в качестве личного идеала благополучия «медленную жизнь» в соответствии с природными ритмами в духе анархистского/феменистского «зеленого консьюмеризма», «глубокого экологизма» и анти-потребительства [63] в противовес мейнстримной говернментализации потребления и респонсубликанизации потребителя [64].

Радикализм анархических и коммоналистских методов сопротивления опирается на представление о самоуправлении как свободе во всех вопросах жизнеустройства. То, что современная власть научилась подчинять человека своим явным и неявным требованиям даже без применения открытого насилия, находит симметричный ответ в развитии латентных форм сопротивления. Такие формы выступают особыми «политиками угнетенных (подчиненных)» (*subaltern politics*). Их постоянное изобретение «субалтернами», предполагающее неистощимое остроумие и находчивость, так же как и само их использование в тщательно скрываемых лакунах отношений господства, исследователь аграрных обществ и практик анархизма Дж. Скотт назвал «искусством сопротивления» [65] и «искусством быть неподвластным» [66], а российские исследователи того, как люди строят свое благополучие, дистанцируясь от государства, А. Павлов и Т. Евченко – «искусством автономной жизни» [67].

Итак, феномен благополучия, независимо от того, выражается ли оно оценочными терминами – собственно «благополучие» (*wellbeing*), «хорошая жизнь» (*good life, well-living*) – или нейтральными обозначениями, сфокусированными на самом объекте оценивания («форма жизни», просто «жизнь»), описываемом далее в различных градациях соответствия эталону или идеалу, в радикально-гуманистической парадигме представляется субъективистски на основе видения свободы как естественного состояния человека, допускающего возможность ее достижения путем фундаментальной трансформации

мировоззрения человека без рефлексии по поводу наработки соответствующих предпосылок и прохождения необходимых опосредующих этапов.

Интерпретативная парадигма

Интерпретативные исследования основываются на допущениях о субъективном характере социальной реальности и ее инерционности, т.е. постепенности испытываемых ею изменений. В силу субъективной природы всех социальных феноменов данная парадигма выступает доменом конструкционизма, размывающего посредством влечения языка в ткань реальности грань между «объектами» и «концептами», что приводит к определению данной парадигмы как «постмодернистской» [3]. Не является исключением и благополучие, которое становится «социальным конструктом». Последний термин подчеркивает, что надежность функционирующих в социальной жизни объектов, порожденных (пусть даже индивидуальным) человеческим разумом, обеспечивается коллективными представлениями людей (в том числе и ученых, хотя это необязательно) об их необходимости и реальности.

Важнейшей чертой методологии теорий, составляющих интерпретативную парадигму, является то, что приоритет отдается тем смыслам, которые сами акторы придают своим действиям, а не тем рациональным схемам деятельности, цели и средства которых необходимо просто открыть или выучить, поскольку они существуют «сами по себе». Это означает, что реальность, как ее представляют себе люди, не менее достойна исследования, чем та, которая описывается в объективистских терминах функционалистской парадигмы.

Итак, исследовать благополучие можно не основе его универсальных «научных» определений, а «следуя за акторами», фиксируя те представления о «хорошей жизни», которые они сами вырабатывают в процессе коммуникации со всеми свойственными ей символами, например, в одних случае это – дача – квартира – машина, а в других – ухоженное тело – голливудская улыбка – посещение интересных мест в мире. Для изучения таких конструкций благополучия используются результаты интервью, а также материалы СМИ или социальных сетей.

Например, Е. Санту, изучавшая использование концепта «благополучие» по статьям в Daily Mail и Guardian в период с 1985 по 2003 г., показала, как посредством него производились социальные нормы и идеалы хорошей жизни, а также субъективность англичан. Так, во второй половине 80-х гг. «благополучие» ассоциировалось с «более широкими социетальными структурами» [68], с успешностью экономики и надежностью национальной безопасности. В такой ситуации газетные дискуссии и дебаты о благополучии разворачиваются вокруг, как говорит Еева Санту, «тела политического» – образа человека как продукта «институционализированных стратегий национального управления», обеспечивающих «экономическое благополучие» и здоровье нации в целом. В 1990-х и начале 2000-х гг. газетный дискурс благополучия обращается к «телу персональному». Здесь термин «благополучие» используется для проговаривания активностей, позволяющих современному перегруженному заботами человеку получить как физическое наслаждение, оздоровительный эффект, достойный внешний вид, так и удовольствие от приятного времяпрепровождения, выступающих в совокупности

как «противовес стрессу современной жизни». Названные в статье «практиками благополучия», они, хотя и находятся под влиянием потребительских ценностей доминирующего социума, выступают «опытом индивидуальной агентности и ответственности», «требующей саморегуляции и саморефлексии» в отношении качества своей жизни.

Важно подчеркнуть, что исследованная по газетным материалам персонализация благополучия соотносится автором с нарастающей массой личных проблем и озабоченностей современного человека, что делает благополучие концептом, приложимым далеко не ко всем обществам. В этих условиях с помощью концепта благополучия в высказываниях авторов и героев газетных статей происходит нормализация новой субъективности активно «выбирающего потребителя» и столкнувшегося с растущей сложностью современного мира «занятого индивида», который уже не может и не хочет полагаться на государство с реализуемым им идеалом благосостояния гражданина (*welfare*), не предполагающего самостоятельного формирования своей «активной и ответственной социальной связанности». Такой вывод об исторической специфичности понятия благополучия делает автор интерпретативного анализа газетного дискурса, в котором происходило создание и нормализация коллективных представлений городского среднего класса о хорошей жизни в определенной стране в определенный период времени.

В отличие от представителей этого социального слоя молодые интеллектуалы-кандидаты в «высшее общество» Америки конструируют в качестве атрибутов благополучия такие виды деятельности и концентрацию таких капиталов, в которых проявляется их социальное дистанцирование не только от обычных людей, подобных тем, которые фигурируют в исследовании Е. Санту, но и от просто богатых обладателей экономического капитала. Их благополучие, выражающееся в полученных от ведущих университетов магистерских и докторских степенях, занятиях, требующих особой самоотдачи (без видимой заботы о хлебе насущном), и значительном интеллектуальном и культурном багаже, в изобретательстве стилей жизни, реализующих новые возможности самовыражения и получения впечатлений, выступает маркером для опознания «своих», имеющих реальные шансы и желание доминировать в ближайшем будущем. Эта игра амбиций, подкрепляемых постоянно развиваемыми способностями, задает жизненный тонус, необходимый для исполнения доминирующей роли наиболее настойчивыми и нестандартно мыслящими представителями новой образованной элиты – «буржуазной богемь», для которой, как пишет Д. Брукс, «вся жизнь – сплошная аспирантура» [19, 69].

Источники информации для изучения представлений о напряженном детально выверенном конструировании собственного благополучия («тревожное благополучие») могут быть самыми неожиданными – например, свадебные объявления в престижных изданиях, что продемонстрировал Д. Брукс, сравнивая презентации брачующихся бобо (сленговое сокращение от *bourgeois bohemians*) в журнале «Таймс» 1980-х гг. со свадебными объявлениями в том же журнале 50-х и 60-х гг.

В свете вышеизложенного можно сказать, что конструируемое материально-дискурсивными практиками самих людей понятие благополучия оказывается контрарной противоположностью концепта благосостояния (в то

время как «сильной», т.е. контрадикторной, оппозицией ему выступает бедность) как деривата понятия богатства, доминировавшего во всей предшествующей экономической истории [70].

Интерпретативная парадигма включает различные методологические подходы – дискурсивный, феноменологический, герменевтический, этнометодологический и другие, активное обращение ученых к которым составляет суть прагматического (лингвистического) поворота, или поворота к практикам в социальных науках. В теории практик деятельность изучается в ее данности самим акторам в их собственном восприятии через имеющийся опыт или активное проговаривание в процессе коммуникации, в котором формируются ее разделяемые с другими людьми значения, или коллективные представления. Это снимает дихотомию объективного и субъективного, поскольку постоянно воспроизводимые, опривыченные коллективные представления о социальных событиях и процессах натурализуются и приобретают свойства материальных объектов. Именно с этих позиций исследуются практики благополучия методами критического интерпретативного анализа.

Однако если брать практику индивида, активно добывающегося проведения в жизнь своего собственного видения того или иного объекта или процесса, то практика приобретает форму праксиса – «политической» стороны деятельности в отличие от ее предметной стороны, обозначаемой в аристотелевской традиции термином «поззис» (делание, созидание). В познании таких практик интерпретативные методологии оказываются особенно востребованными. Так, одна из них – материально-семиотическая, получившая воплощение в акторно-сетевой теории Б. Латура, позволила этому ученому исследовать действительно политический – по накалу страстей и количеству интеракций с разнообразными акторами, которых требовалось множеством аргументов склонить к сотрудничеству, – процесс превращения Л. Пастером индивидуального утверждения о микробах как возбудителях оспы во всеобщее убеждение или неоспоримый социальный факт.

В настоящее время предпринимательство как сфера превращения индивидуальных видений в новые социальные факты привлекает все больше исследователей, работающих в интерпретативной парадигме. Это тем более актуально, что практики перехода границ известного и общепринятого выступают необходимым элементом самой жизни, т.е. благополучия предпринимателя, которое в настоящее время становится популярным объектом исследования [71]. Однако проводимые исследования предпринимательского благополучия производятся пока в основном в функционалистском ключе, предписывающем ученым смотреть на объект «сверху», независимо от того, сформировано ли в предпринимательской среде собственное представление о нем (как это было продемонстрировано на примерах среднего и высшего классов современного западного общества).

В результате к благополучию предпринимателей «применяется» привычный концепт благополучия (прежде всего субъективного или психологического) с его сложившимися показателями и анкетными вопросами без рефлексии по поводу реальности этого понятия, т.е. того, является ли оно категорией практики и сознания изучаемых акторов. Между тем сама специфичность предпринимательства как совокупности разнородных социальных групп достаточно ясно указывает на необходимость подходить к их пред-

ставлениям о хорошей жизни – если, конечно, они проартикулированы в их дискурсах – дифференцированно, внимательно слушая, по выражению С. Уайт, «шум благополучия» [72].

Заключение

В настоящее время этот «шум», производимый множеством сосуществующих параллельно практик благополучия не только предпринимателей, но и других акторов, значительно изменяется в своей тональности и громкости. Практики благополучия перестают ассоциироваться только с активизмом и интеракционизмом на уровне отдельных людей. В результате спектр этих практик получает институциональные воплощения также и в виде «интервенций» и «политик» надличностных структур [70], как, собственно, и должно все происходить в социальном конструировании реальности по Бергеру–Лукману.

В практическом плане это несет угрозы подавления личной инициативы, замены ее решениями комитетов и департаментов частных корпораций и правительственных ведомств. Следствием бюрократизации «благополучия как процесса» [73] может стать «отмена» социальной значимости индивидуальных практик жизнотворчества как драйверов формирования новых форм жизни и возврат практик жизнеустройства отдельных людей в частную сферу, как это было в относительно недавние времена, когда основной репрезентацией жизни было благосостояние граждан.

Что может выступить гарантом недопущения формализации благополучия жизни людей и превращения человека из создателя благ социальной жизни в пассивного *благополучателя*? Ответ на этот вопрос заключается в нелинейности общественного развития. Эта идея как раз и получила воплощение в теории социологических парадигм Моргана и Баррелла, которые рассматривали их как альтернативные реальности.

Однако положение об альтернативности парадигм на следует понимать как их «параллельность», предполагающую полное отсутствие пересечений между ними. Наоборот, каждая парадигма производит свою работу по познанию и развитию жизни и имеет каналы коммуникации с другими. Поэтому есть смысл говорить о «специализации» парадигм в производстве знания о благополучии. Так, функционалистская парадигма благополучия «отвечает» за создание знания о взаимодействии наличных форм жизни на существующей основе и о возможностях их совершенствования; радикально-структуралистическая – знания об источниках конфликтов и имеющихся или складывающихся в данный момент «диспозитивах», определяющих стратегии целеполагания и структурирующих понимание и поведение людей; радикально-гуманистическая – о практиках трансцендирования за пределы «нормальности», полагаемой на основе существующих условий; интерпретативная – об открытии людьми диапазона возможностей в имеющихся формах жизни и о выборе индивидуальных позиций в его рамках.

Всякая специализация предполагает кооперацию. В отношении знания о благополучии основной проблемой кооперации гетерогенного знания является обнаружение каналов его межпарадигмальной конверсии. Одним из перспективных методов решения этой проблемы является создание полной картографии концепта «благополучие» по библиографическим и реферативным

базам данных рецензируемой научной литературы в парадигмальных осях координат. Результатом могла бы стать спецификация «пунктов перехода» знания из одной парадигмы в другую.

В пользу такой исследовательской повестки могут свидетельствовать очевидности, которые бросаются в глаза даже при достаточно внимательном простом обзоре литературы, позволяющем обнаружить диалогические отношения между разными парадигмальными употреблениями концепта благополучия как в качестве определяемого, так и в качестве определяющего.

Например, явно функционалистское понятие экономики благополучия (economy / ics of well-being) с переходом в радикально-гуманистическую парадигму корректируется в соответствии с проектом подлинной гуманизации экономики. В результате благополучие из цели хозяйственной деятельности, которая как «средство» вполне допускает и отчуждение, и эксплуатацию, превращается в само содержание этой деятельности (well-being economy / ics), восстанавливая тем самым единство жизни. Напомним, что в западной ментальности «жизнь» противостоит и «труду», порождая функционалистский дискурс взаимосвязи благополучия и баланса жизни и труда (WLB – work-life balance).

Другим примером развития практик и понятия благополучия на основе межпарадигмального обмена служит употребление определения «медленный» (slow). Рассмотренное нами ранее применительно к экономике, оно выступало маркером радикализма. Однако сейчас в нормализованных западным обществом практиках «медленного города», «медленного образования», «медленного университета» радикальная коннотация исчезает, и полученные практики становятся выражением нового благополучия горожан, школьников и педагогов, студентов и профессоров.

Можно заключить, что концепт и феномен благополучия в настоящее время обладает достаточной зрелостью, способной привлекать к себе исследовательские практики различной парадигмальной направленности и инспирировать сложные коллаборации между ними, имеющие шанс сохранить активность людей в качестве основы организации своей жизни.

Список источников

1. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Enlarged, Chicago : University of Chicago, 1970. 210 p.
2. Barrell G., Morgan G. Sociological paradigms and organisational analysis: elements of the sociology of corporate life. London : Heinemann Educational Books, 1979. 444 p.
3. Фурсова В.В. Социология образования: зарубежные парадигмы и теории. М. : Директ-Медиа, 2013. 261 с.
4. Berglund H. Toward a Theory of Entrepreneurial Action: Exploring Risk, Opportunity and Self in Technology Entrepreneurship. Doctoral dissertation. Chalmers University of Technology, 2005. 63 p.
5. Morgan G. Paradigms, metaphors and puzzle solving in organization theory // Administrative Science Quarterly. 1980. Vol. 25, № 4. P. 605–622.
6. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37.
7. Койл Д. Секс, наркотики и экономика. Нетрадиционное введение в экономику. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 384 с.
8. Жиронкин С.А., Барышева Г.А., Гасанов М.А. Социальное благополучие в контексте неиндустриальных преобразований российской экономики. Томск : РГ «Графика», 2014. 194 с.

9. *Васильцова В.М., Тертышный С.А.* Институциональная экономика : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2013. 256 с.
10. *Фуко М.* Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1978–1979 уч. году. СПб. : Наука, 2010. 448 с.
11. *Wahlberg A., Rose N.* The governmentalization of living: calculating global health // *Economy and Society*. 2015. Vol. 44 (1). P. 60–90.
12. *Anthropologies of modernity: Foucault, governmentality, and life politics* / ed. J.X. Inda. Oxford : Blackwell, 2005. 288 p.
13. *Lorenzini D.* Governmentality, subjectivity, and the neoliberal form of life // *How Capitalism Forms Our Lives* / ed. by A. Cole, E. Ferrarese. London : Routledge, 2020. P. 50–62.
14. *Villadsen K., Wahlberg A.* The government of life: managing populations, health and scarcity // *Economy and Society*. 2015. Vol. 44 (1). P. 1–17.
15. *Anders A.* Foucault and 'the Right to Life': from Technologies of Normalization to Societies of Control // *Disability Studies Quarterly*. 2013. Vol. 33 (3). URL: <https://dsq-sds.org/article/id/142/>
16. *Vuletić T., Ignjatović N., Stanković B., Ivanov A.* 'Normalizing' everyday life in the state of emergency: experiences, well-being and coping strategies of emerging adults in Serbia during the first wave of the COVID-19 pandemic // *Emerging Adulthood*. 2021. Vol. 9 (5). P. 583–601.
17. *Earp B.D., Sandberg A., Savulescu J.* The medicalization of love // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2015. Vol. 24 (3). P. 323–336.
18. *Lee Davis D., Maurstad A., Dean S.* My horse is my therapist: The medicalization of pleasure among women equestrians // *Medical Anthropology Quarterly*, 2015. Vol. 29 (3). P. 298–315.
19. *Tiefer L.* The medicalization of sexuality: Conceptual, normative, and professional issues // *Annual review of sex research*. 1996. Vol. 7 (1). P. 252–282.
20. *Mori L., Maturo A., Moretti V.* An ambiguous health education: The quantified self and the medicalization of the mental sphere // *Italian Journal of Sociology of Education*. 2016. Vol. 8 (3). P. 248–268.
21. *Schmidt W.C.* Medicalization of aging: the upside and the downside // *Marquette Elder's Advisor*. 2011. Vol. 13 (1). P. 55–88.
22. *Crawford R.* Healthism and the medicalization of everyday life // *International journal of health services*. 1980. Vol. 10 (3). P. 365–388.
23. *Frances A.* Saving normal: An insider's revolt against out-of-control psychiatric diagnosis, DSM-5, big pharma and the medicalization of ordinary life. New York : William Morrow, 2013. 314 p.
24. *Silchenko K., Askegaard S.* Powered by healthism? Marketing discourses of food and health // *European Journal of Marketing*. 2020. Vol. 55 (1). P. 133–161.
25. *King S.* Philanthrocapitalism and the Healthification of Everything // *International Political Sociology*. 2013. Vol. 7 (1). P. 96–98.
26. *Muchie M.* Globalization, Inequality and the Commodification of Life and Well-being. Adonis & Abbey Publishers Ltd, 2006. 292 p.
27. *Jourdain A., Naulin S.* Introduction: The Marketization of Everyday Life // *The Social Meaning of Extra Money: Capitalism and the Commodification of Domestic and Leisure Activities* / ed. by S. Naulin, A. Jourdain. Cham : Palgrave Macmillan, 2020. P. 1–29.
28. *Gupta S.* Impact of marketization on rural consumer wellbeing // *Academy of Marketing Studies Journal*. 2021. Vol. 25(3). P. 1–6.
29. *Langley P.* The financialization of life // *The Routledge international handbook of financialization* / ed. by P. Mader, D. Mertens, N. van der Zwan. London and New York : Routledge, 2020. P. 68–78.
30. *Davis J.E.* The commodification of self // *The Hedgehog Review*. 2003. Vol. 5(2). P. 41–50.
31. *Kelly P.* The self as enterprise: Foucault and the spirit of 21st century capitalism. London : Routledge, 2013. 240 p.
32. *Huysmans J.* Governmentality and security: governing life-in-motion // *Handbook on Governmentality* / ed. by W. Walters, M. Tazzioli. Edward Elgar Publishing, 2023. P. 187–207.
33. *Lippert R.K., Walby K.* (eds.). Policing cities: Urban securitization and regulation in a 21st century world. Routledge. 2013. 304 p.
34. *Oels A.* From 'securitization' of climate change to 'climatization' of the security field: comparing three theoretical perspectives // *Climate Change, Human Security and Violent Conflict. Hexagon Series on Human and Environmental Security and Peace*, vol. 8 / ed. by J. Scheffran, M. Brzoska, H. Brauch, P. Link, J. Schilling. Berlin, Heidelberg : Springer Berlin Heidelberg, 2012. P. 185–205.
35. *Floyd R.* The morality of security: A theory of just securitization. Cambridge University Press. 2019. 258 p.

36. *Sardoc M.* The ethics of securitisation: An interview with Rita Floyd // *Critical Studies on Terrorism*. 2021. Vol. 14 (1). P. 139–148.
37. *Manap N.M.A., Ismail N.W.* Food security and economic growth // *International Journal of Modern Trends in Social Sciences*. 2019. Vol. 2 (8). P. 108–118.
38. *Россинская Г.М., Ибраимова З.Ф., Ишмухаметов Н.С.* Продовольственная безопасность: формирование и проявление на разных уровнях экономической системы // *Экономика и управление : науч.-практ. журнал*. 2022. № 3 (165). С. 11–17.
39. *Гайдаев О.С.* «Осторожно, безопасность!» Теория (ин)секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности // *Вестник МГИМО-Университета*. 2022. № 15 (1). С. 7–37.
40. *Ефремов О.А.* Товарный фетишизм эпохи постмодерна: к вопросу о природе «нового» капитализма // *Философия и общество*. 2012. № 2. С. 76–89.
41. *Бенсаид Д.* Спектакль как высшая стадия товарного фетишизма. М. : Институт гуманитарных исследований, 2016. 130 с.
42. *Жижек С.* Чума фантазий. Харьков : Гуманитарный Центр, 2012. 388 с.
43. *Wanner T.* The New ‘Passive Revolution’ of the Green Economy and Growth Discourse: Maintaining the ‘Sustainable Development’ of Neoliberal Capitalism // *New Political Economy*. 2015. Vol. 20 (1). P. 21–41.
44. *Helmreich S.* Species of Biocapital // *Science as Culture*. 2008. Vol. 17 (4). P. 463–478.
45. *Birch K., Tyfield D.* Theorizing the bioeconomy: biovalue, biocapital, bioeconomics or... what? // *Science, Technology & Human Values*. 2013. Vol. 38 (3). P. 299–327.
46. *Ponte S.* Green capital accumulation: business and sustainability management in a world of global value chains // *New Political Economy*. 2020. Vol. 25 (1). P. 72–84.
47. *Helmreich S.* Blue-green capital, biotechnological circulation and an oceanic imaginary: A critique of biopolitical economy // *BioSocieties*. 2007. Vol. 2 (3). P. 287–302.
48. *Fairhead J., Leach M., Scoones I.* Green Grabbing: a new appropriation of nature? // *The Journal of Peasant Studies*. 2012. Vol. 39 (2). P. 237–261.
49. *Luke T.W.* Generating green governmentality: A cultural critique of environmental studies as a power/knowledge formation. 1996. URL: www.cddc.vt.edu/tim/tims/Tim514a
50. *Pepper D.* Anthropocentrism, humanism and eco-socialism: A blueprint for the survival of ecological politics // *Environmental Politics*. 1993. Vol. 2 (3). P. 428–452.
51. *Ruttenberg T.* Wellbeing economics and Buen Vivir: Development alternatives for inclusive human security // *PRAXIS: The Fletcher Journal of Human Security*. 2013. Vol. 28. P. 68–93.
52. *Calisto Friant M., Langmore J.* The buen vivir: a policy to survive the Anthropocene? // *Global policy*. 2015. Vol. 6 (1). P. 64–71.
53. *Kothari A.* Radical well-being alternatives to development // *Research handbook on law, environment and the Global South* / ed. by P. Cullet, S. Koonan. Edward Elgar Publishing, 2019. P. 64–84
54. *Brownhill L., Turner T.E., Kaara W.* Degrowth? How about some “de-alienation”? // *Capitalism, nature, socialism*. 2012. Vol. 23 (1). P. 93–104.
55. *Pillay D.* Happiness, wellbeing and ecosocialism – a radical humanist perspective // *Globalizations*. 2019. Vol. 17 (1). P. 380–396.
56. *Николаева Ж.В.* Slow life. Новая философия неспешности // *Обсерватория культуры*. 2016. № 1 (1). С. 24–30.
57. *Haenfler R., Johnson B., Jones E.* Lifestyle movements: Exploring the intersection of lifestyle and social movements // *Social Movement Studies*. 2012. Vol. 11 (1). P. 1–20.
58. *Овечкина Я.В.* Дауншифтинг как проявление социального ретретизма // *Социально-экономические явления и процессы*. 2013. № 8 (54). С. 168–172.
59. *Kennedy E.H., Krahn H., Krogman N.T.* Downshifting: An exploration of motivations, quality of life, and environmental practices // *Sociological Forum*. 2013. Vol. 28 (4). P. 764–783.
60. *Nuga M., Eimermann M., Hedberg C.* Downshifting towards voluntary simplicity: the process of reappraising the local // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2024. Vol. 106 (3). P. 289–306.
61. *Meissner M.* Against accumulation: lifestyle minimalism, de-growth and the present post-ecological condition // *Journal of Cultural Economy*. 2019. Vol. 12 (3). P. 185–200.
62. *Rebouças R., Soares A.M.* Voluntary simplicity: A literature review and research agenda // *International Journal of Consumer Studies*. 2021. Vol. 45 (3). P. 303–319.
63. *Autio M., Heiskanen E., Heinonen V.* Narratives of ‘green’ consumers – the antihero, the environmental hero and the anarchist // *Journal of Consumer Behaviour: An International Research Review*. 2009. Vol. 8 (1). P. 40–53.

64. Uggla Y., Soneryd L. Green governmentality, responsabilization, and resistance: International ENGOS' issue framings of future energy supply and climate change mitigation // *Socijalna ekologija: časopis za ekološku misao i sociologijska istraživanja okoline*. 2017. Vol. 26 (3). P. 87–104.

65. Scott J.C. *Domination and the arts of resistance: Hidden transcripts*. Yale university press, 1990. 269 p.

66. Скотт Дж. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М. : Новое издательство, 2017. 568 с.

67. Павлов А., Евченко Т. Искусство автономной жизни. Люди и государство существуют в разных вселенных // *InLiberty*. 2018. URL: <https://www.inliberty.ru/article/escape-law/>

68. Sointu E. The rise of an ideal: tracing changing discourses of wellbeing // *The sociological review*. 2005. Vol. 53 (2). P. 255–274.

69. Брукс Д. Бобо в раю. Откуда берется новая элита. М. : Ад Маргинем, 2013. 296 с.

70. Барышев А.А., Капустин В.В. Благополучие как практика: концептуализация, картография и тематический обзор исследований // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023. № 76. С. 82–101.

71. Stephan U., Rauch A., Hatak I. Happy entrepreneurs? Everywhere? A meta-analysis of entrepreneurship and wellbeing // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2023. Vol. 47 (2). P. 55–593.

72. White S.C. Relational wellbeing: A theoretical and operational approach // *Bath Papers in International Development and Wellbeing*. 2015. № 43. P. 1–30.

73. Kavedžija Iza. *The process of wellbeing: Conviviality, care, creativity*. Cambridge University Press, 2021. 75 p.

References

1. Kuhn, T.S. (1970) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.

2. Burrell, G. & Morgan, G. (1979) *Sociological Paradigms and Organisational Analysis: Elements of the Sociology of Corporate Life*. London: Heinemann Educational Books.

3. Fursova, V.V. (2013) *Sotsiologiya obrazovaniya: zarubezhnye paradigmy i teorii* [Sociology of Education: Foreign Paradigms and Theories]. Moscow: Direkt-Media.

4. Berglund, H. (2005) *Toward a Theory of Entrepreneurial Action: Exploring Risk, Opportunity and Self in Technology Entrepreneurship*. Entrepreneurship Dr. Diss. Gothenburg: Chalmers University of Technology.

5. Morgan, G. (1980) Paradigms, Metaphors and Puzzle Solving in Organization Theory. *Administrative Science Quarterly*. 25(4). pp. 605–622.

6. Leontiev, D.A. (2020) Schast'e i sub"ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatiynogo polya [Happiness and Subjective Well-being: Towards Constructing a Conceptual Field]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 14–37.

7. Coyle, D. (2005) *Seks, narkotiki i ekonomika. Netraditsionnoe vvedenie v ekonomiku* [Sex, Drugs, and Economics: An Unconventional Introduction to Economics]. Translated from English. Moscow: Al'pina Biznes Buks.

8. Zhironkin, S.A., Barysheva, G.A. & Gasanov, M.A. (2014) *Sotsial'noe blagopoluchie v kontekste neindustrial'nykh preobrazovaniy rossiyской ekonomiki* [Social Well-being in the Context of Neo-Industrial Transformations of the Russian Economy]. Tomsk: RG "Grafika."

9. Vasiltsova, V.M. & Tertychnyy, S.A. (2013) *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics]. St. Petersburg: Piter.

10. Foucault, M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frants v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka.

11. Wahlberg, A. & Rose, N. (2015) The Governmentalization of Living: Calculating Global Health. *Economy and Society*. 44(1). pp. 60–90.

12. Ina, J.X. (ed.) (2005) *Anthropologies of Modernity: Foucault, Governmentality, and Life Politics*. Oxford: Blackwell Publishing.

13. Lorenzini, D. (2020) Governmentality, Subjectivity, and the Neoliberal Form of Life. In: Cole, A. & Ferrarese, E. (eds) *How Capitalism Forms Our Lives*. London: Routledge. pp. 50–62.

14. Villadsen, K. & Wahlberg, A. (2015) The Government of Life: Managing Populations, Health and Scarcity. *Economy and Society*. 4(1). pp. 1–17.

15. Anders, A. (2013) Foucault and 'the Right to Life': From Technologies of Normalization to Societies of Control. *Disability Studies Quarterly*. 33(3). [Online] Available from: <https://dsq-sds.org/article/id/142/> (Accessed: 17th June 2024).

16. Vuletic, T., Ignjatovic, N., Stankovic, B. & Ivanov, A. (2021) 'Normalizing' Everyday Life in the State of Emergency: Experiences, Well-being and Coping Strategies of Emerging Adults in Serbia During the First Wave of the COVID-19 Pandemic. *Emerging Adulthood*. 9(5). pp. 583–601.
17. Earp, B.D., Sandberg, A. & Savulescu, J. (2015) The Medicalization of Love. *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 24(3). pp. 323–336.
18. Lee Davis, D., Maurstad, A. & Dean, S. (2015) My Horse is My Therapist: The Medicalization of Pleasure Among Women Equestrians. *Medical Anthropology Quarterly*. 29(3). pp. 298–315.
19. Tiefer, L. (1996) The Medicalization of Sexuality: Conceptual, Normative, and Professional Issues. *Annual Review of Sex Research*. 7(1). pp. 252–282.
20. Mori, L., Mauro, A. & Moretti, V. (2016) An Ambiguous Health Education: The Quantified Self and the Medicalization of the Mental Sphere. *Italian Journal of Sociology of Education*. 8(3). pp. 248–268.
21. Schmidt, W.C. (2011) Medicalization of Aging: The Upside and the Downside. *Marquette Elder's Advisor*. 13(1). pp. 55–88.
22. Crawford, R. (1980) Healthism and the Medicalization of Everyday Life. *International Journal of Health Services*. 10(3). pp. 365–388.
23. Frances, A. (2013) *Saving Normal: An Insider's Revolt Against Out-of-Control Psychiatric Diagnosis, DSM-5, Big Pharma and the Medicalization of Ordinary Life*. New York: William Morrow.
24. Silchenko, K. & Askegaard, S. (2020) Powered by Healthism? Marketing Discourses of Food and Health. *European Journal of Marketing*. 55(1). pp. 133–161.
25. King, S. (2013) Philanthropic Capitalism and the Healthification of Everything. *International Political Sociology*. 7(1). pp. 96–98.
26. Muchie, M. (2006) *Globalization, Inequality and the Commodification of Life and Well-being*. London: Adonis & Abbey Publishers Ltd.
27. Jourdain, A. & Naulin, S. (2020) Introduction: The Marketization of Everyday Life. In: Naulin, S. & Jourdain, A. (eds) *The Social Meaning of Extra Money: Capitalism and the Commodification of Domestic and Leisure Activities*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 1–29.
28. Gupta, S. (2021) Impact of Marketization on Rural Consumer Wellbeing. *Academy of Marketing Studies Journal*. 25(3). pp. 1–6.
29. Langley, P. (2020) The Financialization of Life. In: Mader, P., Mertens, D. & van der Zwan, N. (eds) *The Routledge International Handbook of Financialization*. London and New York: Routledge. pp. 68–78.
30. Davis, J.E. (2003) The Commodification of Self. *The Hedgehog Review*. 5(2). pp. 41–50.
31. Kelly, P. (2013) *The Self as Enterprise: Foucault and the Spirit of 21st Century Capitalism*. London: Routledge.
32. Huysmans, J. (2023) Governmentality and Security: Governing Life-in-Motion. In: Walters, W. & Tazzioli, M. (eds) *Handbook on Governmentality*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. pp. 187–207.
33. Lippert, R.K. & Walby, K. (eds) (2013) *Policing Cities: Urban Securitization and Regulation in a 21st Century World*. London: Routledge.
34. Oels, A. (2012) From 'Securitization' of Climate Change to 'Climatization' of the Security Field: Comparing Three Theoretical Perspectives. In: Scheffran, J., Brzoska, M., Brauch, H., Link, P. & Schilling, J. (eds) *Climate Change, Human Security and Violent Conflict*. Berlin, Heidelberg: Springer. pp. 185–205.
35. Floyd, R. (2019) *The Morality of Security: A Theory of Just Securitization*. Cambridge: Cambridge University Press.
36. Sardoc, M. (2021) The Ethics of Securitisation: An Interview with Rita Floyd. *Critical Studies on Terrorism*. 14(1). pp. 139–148.
37. Manap, N.M.A. & Ismail, N.W. (2019) Food Security and Economic Growth. *International Journal of Modern Trends in Social Sciences*. 2(8). pp. 108–118.
38. Rossinskaya, G.M., Ibragimova, Z.F. & Ishmukhametov, N.S. (2022) Prodovol'stvennaya bezopasnost': formirovanie i proyavlenie na raznykh urovnyakh ekonomicheskoy sistemy [Food Security: Formation and Manifestation at Different Levels of the Economic System]. *Ekonomika i upravlenie*. 3(165). pp. 11–17.
39. Gaydaev, O.S. (2022) "Ostorozhno, bezopasnost'!" Teoriya (in)sek'yuritizatsii i Parizhskaya shkola issledovaniy mezhdunarodnoy bezopasnosti ["Beware, Security!" The Theory of (In)Securitization and the Paris School of International Security Studies]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 15(1). pp. 7–37.

40. Efremov, O.A. (2012) *Tovarnyy fetishizm epokhi postmoderna: k voprosu o prirode "novogo" kapitalizma* [Commodity Fetishism in the Postmodern Era: On the Nature of the "New" Capitalism]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2. pp. 76–89.
41. Bensaid, D. (2016) *Spektakl' kak vysshaya stadiya tovarnogo fetishizma* [The Spectacle as the Highest Stage of Commodity Fetishism]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy.
42. Žižek, S. (2012) *Chuma fantaziy* [The Plague of Fantasies]. Kharkiv: Izdatel'stvo Gumanitarnyy Tsentr.
43. Wanner, T. (2015) The New 'Passive Revolution' of the Green Economy and Growth Discourse: Maintaining the 'Sustainable Development' of Neoliberal Capitalism. *New Political Economy*. 20(1). pp. 21–41.
44. Helmreich, S. (2008) Species of Biocapital. *Science as Culture*. 17(4). pp. 463–478.
45. Birch, K. & Tyfield, D. (2013) Theorizing the Bioeconomy: Biovalue, Biocapital, Bioeconomics or... What? *Science, Technology, & Human Values*. 38(3). pp. 299–327.
46. Ponte, S. (2020) Green Capital Accumulation: Business and Sustainability Management in a World of Global Value Chains. *New Political Economy*. 25(1). pp. 72–84.
47. Helmreich, S. (2007) Blue-Green Capital, Biotechnological Circulation and an Oceanic Imaginary: A Critique of Biopolitical Economy. *BioSocieties*. 2(3). pp. 287–302.
48. Fairhead, J., Leach, M. & Scoones, I. (2012) Green Grabbing: A New Appropriation of Nature? *The Journal of Peasant Studies*. 39(2). pp. 237–261.
49. Luke, T.W. (1996) *Generating Green Governmentality: A Cultural Critique of Environmental Studies as a Power/Knowledge Formation*. [Online] Available from: www.cddc.vt.edu/tim/tims/Tim514a (Accessed: 17th June 2024).
50. Pepper, D. (1993) Anthropocentrism, Humanism and Eco-socialism: A Blueprint for the Survival of Ecological Politics. *Environmental Politics*. 2(3). pp. 428–452.
51. Ruttenberg, T. (2013) Wellbeing Economics and Buen Vivir: Development Alternatives for Inclusive Human Security. *PRAXIS: The Fletcher Journal of Human Security*. 28. pp. 68–93.
52. Calisto Friant, M. & Langmore, J. (2015) The Buen Vivir: A Policy to Survive the Anthropocene? *Global Policy*. 6(1). pp. 64–71.
53. Kothari, A. (2019) Radical Well-being Alternatives to Development. In: Cullet, P. & Koonan, S. (eds) *Research Handbook on Law, Environment and the Global South*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. pp. 64–84.
54. Brownhill, L., Turner, T.E. & Kaara, W. (2012) Degrowth? How About Some "De-alienation"? *Capitalism Nature Socialism*. 23(1). pp. 93–104.
55. Pillay, D. (2019) Happiness, Wellbeing and Ecosocialism – A Radical Humanist Perspective. *Globalizations*. 17(1). pp. 380–396.
56. Nikolaeva, Zh.V. (2016) Slow Life. Novaya filosofiya nespeshnosti [Slow Life. A New Philosophy of Slowness]. *Observatoriya kul'tury*. 1(1). pp. 24–30.
57. Haenfler, R., Johnson, B. & Jones, E. (2012) Lifestyle Movements: Exploring the Intersection of Lifestyle and Social Movements. *Social Movement Studies*. 11(1). pp. 1–20.
58. Ovechkina, Ya.V. (2013) Daunshifting kak proyavlenie sotsial'nogo retretizma [Downshifting as a Manifestation of Social Retretism]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 8(54). pp. 168–172.
59. Kennedy, E.H., Krahn, H. & Krogman, N.T. (2013) Downshifting: An Exploration of Motivations, Quality of Life, and Environmental Practices. *Sociological Forum*. 28(4). pp. 764–783.
60. Nuga, M., Eimermann, M. & Hedberg, C. (2024) Downshifting Towards Voluntary Simplicity: The Process of Reappraising the Local. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 106(3). pp. 289–306.
61. Meissner, M. (2019) Against Accumulation: Lifestyle Minimalism, De-growth and the Present Post-ecological Condition. *Journal of Cultural Economy*. 12(3). pp. 185–200.
62. Rebouças, R. & Soares, A.M. (2021) Voluntary Simplicity: A Literature Review and Research Agenda. *International Journal of Consumer Studies*. 45(3). pp. 303–319.
63. Autio, M., Heiskanen, E. & Heinonen, V. (2009) Narratives of 'Green' Consumers – The Antihero, the Environmental Hero and the Anarchist. *Journal of Consumer Behaviour*. 8(1). pp. 40–53.
64. Uggla, Y. & Soneryd, L. (2017) Green Governmentality, Responsibilization, and Resistance: International ENGOS' Issue Framings of Future Energy Supply and Climate Change Mitigation. *Socijalna ekologija: časopis za ekološku misao i sociološkijska istraživanja okoline*. 26(3). pp. 87–104.
65. Scott, J.C. (1990) *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven: Yale University Press.

66. Scott, J. (2017) *Iskusstvo byt' nepodvlastnym. Anarkhicheskaya istoriya vysokogoriy Yugo-Vostochnoy Azii* [The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

67. Pavlov, A. & Evchenko, T. (2018) *Iskusstvo avtonomnoy zhizni. Lyudi i gosudarstvo sushchestvuyut v raznykh vseennykh* [The Art of Autonomous Life. People and the State Exist in Different Universes]. [Online] Available from: <https://www.inliberty.ru/article/escape-law/> (Accessed: 17th June 2024).

68. Sointu, E. (2005) The Rise of an Ideal: Tracing Changing Discourses of Wellbeing. *The Sociological Review*. 53(2). pp. 255–274.

69. Brooks, D. (2013) *Bobo v rayu. Otkuda beretsya novaya elita* [Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem.

70. Baryshev, A.A. & Kashpur, V.V. (2023) Well-being as Practice: Conceptualization, Cartography and a Thematic Review of Studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, sociology and Political Science*. 76. pp. 82–101. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/9

71. Stephan, U., Rauch, A. & Hatak, I. (2023) Happy Entrepreneurs? Everywhere? A Meta-analysis of Entrepreneurship and Wellbeing. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 47(2). pp. 553–593.

72. White, S.C. (2015) Relational Wellbeing: A Theoretical and Operational Approach. *Bath Papers in International Development and Wellbeing*. 43. pp. 1–30.

73. Kavedžija, I. (2021) *The Process of Wellbeing: Conviviality, Care, Creativity*. Cambridge: Cambridge University Press.

Сведения об авторах:

Барышев А.А. – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: barishevnp@mail.ru

Щекотин Е.В. – кандидат философских наук, зав. кафедрой философии, истории и права Сибирского государственного университета водного транспорта (Новосибирск, Россия). E-mail: valkashpur@inbox.ru

Барышева Г.А. – доктор экономических наук, профессор Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: ganb@tpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Baryshev A.A. – Cand. Sci. (Economics), associate professor at the Department of Sociology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barishevnp@mail.ru

Shchekotin E.V. – Cand. Sci. (Philosophy), head of the Department of Philosophy, History and Law of the Siberian State University of Water Transport (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: evgvik1978@mail.ru

Barysheva G.A. – Dr. Sci. (Economics), professor of the Business School, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ganb@tpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.10.2025;
одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 15.10.2025;
approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*